

ВРЕМЯ БЕЗ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ТЕМПОРАЛЬНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ ГОРОДСКОЙ КОММУНЫ

Артем Котельников

Артем Котельников, Центр исторических исследований, Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств, НИУ ВШЭ – СПб, Россия. a-k-v-2m-s@mail.ru.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00962 «Экономическая антропология домохозяйства современной России за пределами мегаполисов» (руководитель Николай Ссорин-Чайков), <https://rscf.ru/project/23-18-00962/>. Автор выражает благодарность за ценные советы и мысли Николаю Ссорину-Чайкову, редакторам журнала «Laboratorium», а также всем собеседникам, которых он встретил в Доме и за его пределами.

В статье представлено этнографическое исследование коммуны Дом, одной из примерно десятка ныне существующих коммун Санкт-Петербурга, основанных на совместном проживании и ведении общего хозяйства людьми, не являющимися друг другу родственниками, в больших квартирах (некогда коммуналках или общежитиях). Жители Дома постулируют отсутствие оснований объединения, однако вместе с тем эта коммуна является одним из самых устойчивых и долгоживущих коммунальных сообществ города. Именно этот парадокс и рассматривается в тексте.

В поисках источников устойчивости Дома автор обращается к оптике антропологии времени и анализирует сложившуюся в нем темпоральную множественность. В тексте рассматриваются конфликты между группами членов коммуны, действующими в рамках разных темпоральностей: конфликт вокруг проектного будущего сообщества, в котором сторонники Дома как проекта были вытеснены защитниками идеи коммуны без четко сформулированного представления о ее целях и будущем, а также конфликт между группами, предпочитающими разные варианты дневного цикла, соединяющего домашнюю и рабочую сферы.

Следуя концепции Ольги Бредниковой, среди коммунальных темпоральностей автор выделяет длительную временность – темпоральность, предполагающую отказ от определенных будущего и прошлого в пользу настоящего, внутри которого все реалии временны. Длительная временность составляет основу особой устойчивости Дома и характеризует не отдельных субъектов, а организацию сообщества. Его жители не просто действуют в ней, а целенаправленно ее воспроизводят, что позволяет им избежать жестких правил и иерархий и благодаря этому сохранять устойчивость при внутреннем разнообразии темпоральностей и жизненных предпочтений.

Ключевые слова: городская коммуна; проект будущего; длительная временность; темпоральная множественность; устойчивость; перемещенность

Нам часто задают вопросы типа: «Здесь живут творческие люди, да?» или: «Вы все вегетарианцы?» Я себе перевожу это все как: «Что делает вас коммуной?» Ничего такого не делает. Может мы и не коммуна вовсе. Может мы коливинг. [. . .] Короче говоря, мы все разные и нет никакой идеологии или идеи, которая бы нас объединяла, помимо желания жить вместе. [. . .] Недостаточно многое разделяем. Не следуем одним и тем же пищевым запретам. Не молимся одному богу. Не скидываем весь заработок в общак. Недостаточно часто собираемся вместе. Не выходим плечом к плечу на жатву или на баррикады. Имеем слишком много личного пространства. Можем в любой момент съехать. Можем не пускать в свою комнату. Можем, если не хотим, не делиться. Можем быть друг с другом несогласны. Можем придерживаться противоположных взглядов на то, что из себя представляет наш дом. [. . .] Мы обычно говорим, что у нас нет никакой идеологии. В шутку: наша идеология – это отсутствие идеологии! Хм. . . Может это она и есть?

Это построенное на отрицании рассуждение, опубликованное в личном Telegram-канале, принадлежит бывшей жительнице коммуны «Дом на синей ветке»¹, принадлежащей к сети из примерно десятка коммунальных сообществ («домов»), расположенных в Санкт-Петербурге и основанных на совместном проживании в больших квартирах – некогда коммуналках или общежитиях. Кратко называемая «Домом», коммуна выделяется на фоне большинства когда-либо существовавших петербургских «домов», входящих в ту же сеть. По рассказам тех, кому довелось пожить в нескольких коммунах, актуальным предметом обсуждения для их жителей, как правило, являлся вопрос о том, «зачем мы живем вместе». Он становился фатальным в переходный период – например, когда возникал конфликт с владельцем арендуемой квартиры или появлялась необходимость подписать новый договор о ее аренде. Не договорившись о целях совместной жизни, обычно члены коммуны решали, что настало время разъехаться. Такого рода сценарий повторялся из раза в раз, а почти все некогда основанные коммуны существовали не более года.

Дом же существует с 2016 года, а его жители принципиально отказываются не только отвечать на обозначенный выше вопрос о целях совместного проживания, но и ставить его. Как выразился в ходе исследовательского интервью счетовод коммуны Ник, «[мы не] дом, который понимает, что он такое и зачем. Мне кажется, наша прелесть как раз в том, что мы немножко не понимаем [этого]».

Эта же особенность делает Дом контрастным не только в петербургском контексте, но и на фоне целого сегмента анализируемых исследователями коммунальных сообществ, и, прежде всего, сквотов (как особого типа коммун). Создатели таких коммун декларируют своей целью преодоление глобальной капиталистической реальности на локальном уровне в период существования сквота.

¹ Вместо «синей ветки» ими упоминается конкретная станция метро; указание на «синюю ветку» я использую для анонимизации места. Всем информантам, упоминаемым в статье, также присвоены псевдонимы, поскольку поиск в интернете по оригинальному названию коммуны позволяет относительно легко получить информацию о ней и ее жителях. Ссылки на материалы о коммуне, выложенные в открытый доступ, не приводятся по этой же причине.

В их дискурсах (нередко и на практике) такого рода сквоты принципиально недолговременны, но связаны с дальней перспективой: каждый сквот воплощает в своем настоящем проект будущего, и, соответственно, вносит вклад в его построение, которое должно настать для всего общества (Spiro 1975; Aguilar 2012; Wagner 2012; Ciccariello-Maher 2018; Cermeño, Bretfeld, and Bernhardt 2022; Maeckelbergh 2022; McArdle 2022). Здесь стоит оговориться, что вопрос о целях существования Дома обсуждался его членами в первые годы существования, однако ныне ушедшие проекты коммунального будущего не были связаны с попытками создания антикапиталистической альтернативы, об этом периоде жизни коммуны подробнее будет рассказано ниже.

Наконец, разнообразие взглядов жителей Дома отличается также от гетерогенности соседствующих друг с другом людей, проживающих в коммунальных квартирах. В отличие от коммуны Дом соседство коммунальных квартир часто оказывается вынужденным, обусловленным отсутствием альтернативного жилья (Бойм [1994] 2002:181–187; Герасимова 1998:234–236; 2000:86, 114–116; Утехин 2001:47, 243). В свою очередь, члены коммуны выбирают проживание в Доме из многих других вариантов аренды недорогого жилья.

Центральный вопрос этой статьи сформировался в ходе эмпирического исследования из затруднений, которые испытывали жители коммуны в попытках объяснить причины устойчивости Дома как сообщества. Что обеспечивает длительное существование коммуны? Что позволяет ей не распасться при очевидной гетерогенности сообщества? В поисках оснований устойчивости Дома я обращаюсь к оптике антропологии времени и анализирую сложившуюся в нем темпоральную множественность. Я рассматриваю две группы темпоральностей коммуны. Первая охватывает темпоральности коммуны как общего проекта будущего, а в рамках второй анализируется темпоральность повседневности жителей Дома. Анализ эмпирических данных соотносится с опытом исследований временного жилья. В качестве стержневой аналитической категории я использую понятие «длительной временности», предложенное Ольгой Бредниковой на основании анализа образа жизни и, в частности, временного жилья трудовых мигрантов (Бредникова 2020; Бредникова и Ткач 2010).

В первых разделах статьи я сформулирую характеристику Дома как этнографического поля и охарактеризую процесс полевого исследования. Далее я последовательно рассмотрю ряд конфликтов внутри коммуны, связанных с предпочтением ее участниками различных темпоральностей. В заключении я предложу объяснение устойчивости коммуны из перспективы анализа множественных темпоральностей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВВОДНЫЕ

Следуя логике антропологии времени, я буду описывать темпоральности (формы времени) Дома как отношения – системы распределенной агентности, организующие практики агентов. Эти специфические отношения сочетают в себе способы структурирования повседневной деятельности с широкими представлениями о

прошлом, настоящем и будущем: прошлое и будущее существуют не только как представления, они также определяют и организуют связанные с ними практики. Внутри этой же рамки я буду рассматривать темпоральности как принципиально множественные не только в связи с существованием множества сообществ, но и внутри одного сообщества, не пытаюсь, впрочем, составить их исчерпывающий каталог (Greenhouse 1996:82–83; Munn 1983:280; Ssorin-Chaikov 2017:3, 62; 2021:83).

Я также ориентируюсь на тезис Нэнси Манн, настаивавшей на том, что установление той или иной формы времени предполагает также установление иерархии, где доминирующее положение занимает закрепившая предпочитаемую ею темпоральность группа. Эта иерархия связана с постулируемой Мишелем Фуко ([1975] 1999:218–222) и Пьером Бурдьё ([1980] 2001:158–160) ролью времени как силы, организующей повседневность. Следуя их тезисам, Манн утверждает, что тот, кому дозволено определять темпоральность, получает возможность определять и устройство повседневных практик (Munn 1992:109–112).

Специфика темпоральной множественности коммуны может быть осмыслена с помощью категории длительной временности. Это понятие использует Бредникова, которая, опираясь на идеи текучей современности Зигмунта Баумана, исследует жизнь и жилье трудовых мигрантов в России. Концепт мобильного субъекта исследовательница заимствует из сложившейся в миграционных исследованиях дискуссии вокруг этого понятия: вслед за антропологом Сянем Бяо она определяет мобильных субъектов как индивидов, для которых миграции «мыслимы, осуществимы и желаемы» (Biao 2007:70). К определению исследовательница добавляет список выделяемых ею черт, характеризующих мобильного субъекта: мобильность как таковая – склонность к смене места жительства и работы; множественность жизненных проектов – они реализуются одновременно, даже находясь в противоречии друг с другом; длительная временность – миграция рассматривается мигрантами как краткосрочная, даже если она длится несколько лет; «отказ» от интеграции – мигрант интегрируется лишь в отдельные сферы жизни принимающего общества, в рамках которых ему необходимо, например, найти работу; опора на широкие и слабые сети социальных связей, часто довольно краткосрочные и легко разрывающиеся (Бредникова 2020); отказ от присвоения жилища в смысле принятия его как постоянного места проживания (Бредникова и Ткач 2010). В более общих формулировках тем же набором черт субъекта текучей современности/постмодерна описывает и Бауман (1995, [2000] 2008).

Я предлагаю рассмотреть концептуализацию мобильного субъекта, предлагаемую Бредниковой как темпоральную, в целом. По сути, длительная временность, определяемая исследовательницей как одна из черт мобильного субъекта, характеризует все рассматриваемые аспекты его жизни: жилище, место работы, социальные связи, интеграция – все становится объективно или субъективно временным. Особая темпоральность, таким образом, конституирует мобильного субъекта.

Описание мобильного субъекта сквозь призму длительной временности перекликается с анализом перемещенности (displacement), предлагаемым Джорджиной Рамзи (Ramsay 2019). Рамзи связывает перемещенность с темпоральностью неопределенности (temporality of uncertainty) и отмечает, что атрибутирование

этой темпоральности реалиям жизненного мира мигрантов предполагает отказ в ней субъектам, не концептуализируемым как мигранты. Так происходит искусственная экзотизация мигранта как Другого, а не-мигрант остается нерассматриваемой фигурой. По ее мнению, в современных реалиях нестабильность перемещения может быть экстраполирована и на тех, кто условно считается оседлым (Ramsay 2019:387–388).

Использование концепта длительной временности для описания темпоральной множественности Дома, таким образом, можно считать попыткой проанализировать перемещенность оседлых людей.

МЕСТО, ЕГО ГЕНЕАЛОГИЯ И ПОЛЕВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Как уже упоминалось, жители коммуны («домашние», или «домочадцы») называют ее «Домом» или, в контексте разговора о разных коммунах, существующих в Петербурге, – «Домом на синей ветке». По утверждению одного из основателей Дома, его первыми жителями и создателями являются выходцы из распавшейся к тому моменту коммуны Дом на Фонтанке; впрочем, нынешние жители Дома, как правило, не помнят об этом факте. В свою очередь, Дом на Фонтанке, по словам его бывших обитателей, восходит к петербургскому Дому на Набережной (не имеющему отношения к жилому комплексу на Берсеневской набережной Москвы-реки), также давно прекратившему свое существование.

Итак, обсуждаемый в этой статье Дом является частью сети из около десятка коммун. Его жители знают о существовании других «домов», а некоторые даже имели возможность пожить в них. На момент приведения исследования в Доме проживали 25 человек в возрасте от 23 до 43 лет за одним исключением: 12 совершеннолетних женщин, 12 мужчин и одна годовалая девочка; там же обитали шестеро кошек и котов (один из них зовется «коммунальным», остальные закреплены за отдельными хозяевами) и одна собака. Двое информантов жили в Доме с момента его основания, остальные – от двух лет до полугода. Члены коммуны в складчину арендуют у собственника помещение площадью 559 м², включающее в себя 25 отдельных комнат (в 20 из них живут люди), 2 санузла и коридор. Такой формат аренды позволяет существенно снизить ежемесячный взнос за комнату – он составляет от 10 до 15 тысяч рублей с учетом платы за коммунальные услуги и интернет. Помещение коммуны располагается в многоквартирном доме 1930 года постройки и представляет собой коридор с большим количеством прилегающих к нему комнат (некогда здесь было рабочее общежитие). С коммуной соседствуют как жилые квартиры, так и офисы, хостелы и т. д.

Отдельно стоит заметить, что собственник помещения не разделяет предпочтений жителей коммуны в образе жизни, а их взаимодействие строится как товарное. Аренда вообще является основной формой отношений с недвижимостью в коммунах Петербурга – помещение никогда не сквотируется и почти никогда не находится в коллективной нотариально оформленной собственности. Эта особенность заметно отличает петербургские коммуны от схожих сообществ в некоторых других мегаполисах мира (Azozotox and Kuhn 2018; Dee 2016; Kadir 2016). Интег-

рированность Дома и его жителей в рыночные реалии будет заметна и в других особенностях коммунальной жизни.

Среди помещений Дома его жители выделяют «общие места», или «общие пространства», к которым относят зал, курилку, гостиную, кухню и два санузла. Зал и гостиная используются для внутренних мероприятий (занятий спортом, настольных игр и прочих) и мероприятий с участием гостей (квартирники, мастер-классы, праздники и т. п.). Жители Дома чаще всего встречаются в гостиной, к которой прилегает кухня. В гостиной едят – там располагается обеденный стол (есть принято, впрочем, не только за ним). Там же находится коллекция настольных игр, общая библиотека и колонка с Bluetooth-адаптером – кто приходит туда с утра первым, включает предпочитаемую музыку. Также в гостиной проходят общие собрания. Согласно правилам коммуны, спать в зале и гостиной запрещается. Курилку посещают все курящие жители коммуны, а также те, кто хочет продолжить с ними общение, начатое в гостиной или личной комнате одного из собеседников. Курилка запирается изнутри и снаружи во избежание проникновения запаха табака в коридор и ближайшие комнаты.

Значимая часть предметов в Доме находится в общем пользовании. Как правило, они располагаются в «общих пространствах». Среди наиболее заметных можно назвать проектор, уже упомянутые коллекцию настольных игр, библиотеку и фортепиано, находящиеся в гостиной, сушилку для белья, стиральную машину и гладильную доску, располагающиеся в одном из санузлов и т. п. В зале также находится «фримаркет» («фришка») – место для добровольного выкладывания вещей одними членами коммуны и безвозмездного присвоения их другими.

Жители Дома совместно закупают месячный запас продуктов и бытовой химии, а на общих собраниях избирают ответственных за это. Также на неопределенный срок – как правило, до отказа исполнять свои обязанности – ими избираются счетовод, обеспечивающий среди прочего сбор арендной платы, и ряд дежурных.

На общих собраниях, инициируемых для обсуждения заранее предложенной повестки, (в декларируемой норме) решения принимаются консенсусом, реже – большинством голосов. Инициатором собрания может выступить любой житель коммуны, за исключением «вписчиков», то есть тех, кто, ночуя в Доме, пребывает на положении гостя кого-либо из его членов.

Все «домашние» признают значимость свода писанных правил коммуны – «Договоренностей».

Нынешние жители Дома утверждают, что у их сообщества нет лидера и наличие такой позиции не предполагается. Между тем, многие считают, что в момент основания коммуны у нее был лидер, который, по его собственным словам, избежал этой роли и успешно смог ее нивелировать. По рассказам бывших жителей Дома, в разные периоды его существования в нем также появлялись группы жителей, считавшие, что у коммуны есть лидер, но эту точку зрения никогда не разделяли все.

Новые жители Дома, как правило, появляются в нем по рекомендации кого-то из «домашних». Реже можно обнаружить объявление об аренде комнаты в какой-то из социальных сетей, после чего в одном из чатов коммуны происходит предва-

рительное голосование, где, как предполагается, кандидатура может быть отвергнута, в случае если найдется минимум один ее противник, позицию которого поддержат двое или большее количество человек. Эта часть отбора, как правило, связана с мониторингом онлайн-профилей потенциального сожителя. В дальнейшем, в случае успешного прохождения первой части отбора, кандидат приходит на «знакомство» – собеседование, на котором его расспрашивают о хобби, работе, взглядах и привычках. После происходит тайное голосование, по результатам которого претендент становится или не становится жителем Дома. Процесс принятия в коммуну значительно упрощается для тех, кто прежде часто бывал в ней гостем: он может быть принят без знакомства и даже предварительного обсуждения – как только такой человек изъявит желание, ему предложат переехать.

Наконец, бывшие жители Дома, а также те, кто принимал в его жизни активное участие (например, организуя мероприятия), но никогда не жил в нем, определяются «домашними» как «друзья Дома». Таких людей около сотни, и большинство из них состоит в отдельном чате в Telegram. К ним теперь принадлежу и я.

Мое полевое исследование продлилось с декабря 2021 по февраль 2022 года. Первые пару недель мое присутствие в коммуне сводилось к верандной этнографии, игнорирующей призыв «спуститься с веранды» (*come off the verandah*), авторство которого приписывается теоретику и практику включенного наблюдения Брониславу Малиновскому. Иначе говоря, первоначально, ведя наблюдения, я не разделял с информантами их повседневности (Kuper 1994:203; Okely 2012:1, 17–19, 76); вместо этого я появлялся в Доме в качестве гостя, брал заранее оговоренные интервью, в которых жизнь сообщества описывается достаточно абстрактно, и делал отдельные, не погруженные в контекст, наблюдения. Впоследствии я смог поселиться в Доме и вести активное включенное наблюдение. Все это время многие информанты знали о моей позиции исследователя; впрочем, значимую их часть это совсем не интересовало – они называли наше общение дружеским, а «Антрополог» на какой-то период стало моим прозвищем (прозвища имели и имеют многие жители коммуны). В связи с вышеописанным мое наблюдение трудно охарактеризовать только как скрытое или открытое.

Большую часть времени я имел возможность вести наблюдение в местах, которые используют все или почти все «домашние» (например, в гостиной или кухне), там же я проводил интервью. Какие-то из них были спонтанными беседами, другие же фреймировались как исследовательские интервью и предполагали разрешение на включение диктофона. В ряде случаев интервью переносились в личные комнаты информантов. Наблюдения не имели жесткого графика, поскольку члены сообщества предпочитали бывать в одних и тех же местах в разное время в течение суток, в том числе ранним утром и поздней ночью. Интервью, не предполагавшие включения диктофона, тезисно фиксировались в рукописном полевом дневнике по памяти после разговора, туда же синхронно наблюдению я заносил его результаты.

Я также имел возможность говорить с бывшими жителями коммуны – они появлялись в Доме в качестве гостей; кроме того, с некоторыми из них я отдельно договаривался о встрече.

В процессе исследования в моем распоряжении также появилось небольшое количество документальных и медиасвидетельств о жизни Дома: два кратких видеосюжета журналистов петербургских городских телеканалов, побывавших там в тот или иной период существования коммуны (в тексте я привожу цитаты «домашних» оттуда), а также Telegram-блог одной из ныне бывших жительниц Дома². Ссылки на эти материалы я получал от бывших и нынешних жителей Дома или же находил в интернете. Кроме того, информанты предоставили мне доступ к трем редакциям «Договоренностей». Самая ранняя из них разработана одной из основательниц коммуны и предложена для обсуждения на общем собрании, однако не была утверждена общим консенсусом. Вторая версия, принятая общим собранием, также создана бывшим жителем Дома, который был среди его основателей и в течение короткого периода считался лидером коммуны. Третья редакция считается действующей на данный момент и фактически является сокращенной версией второй, о чем подробнее будет рассказано в одном из разделов статьи. Обстоятельства ее создания и принятия мне выяснить, впрочем, не удалось.

В моем взаимодействии с «домашними» присутствовал значительный элемент исследовательской коллаборации: я имел возможность обсуждать с некоторыми из них свои гипотезы и концепции, а также расшифровывать интервью, получая от авторов комментарии к тексту их же рассуждений.

КОНФЛИКТЫ ПО ПОВОДУ БУДУЩЕГО И НАСТОЯЩЕГО КОММУНЫ

В первой части этого раздела я рассмотрю два конфликта, имевших место внутри коммуны и связанных с обсуждением проекта ее будущего.

По словам счетовода коммуны, которого в этой статье я называю Ником, сегодня «в Доме настал мир». Эту фразу, впрочем, отсылая к Нику, используют и другие жители коммуны. Наставший в сообществе «мир», по их мнению, связан прежде всего с тем, что общие собрания «домашних» стали относительно редкими (не чаще одного раза в месяц), а те члены сообщества, что находятся в конфликте друг с другом, перестали открыто выражать это в «общих пространствах».

Период до «наступления мира», продлившийся примерно с 2016 по 2020 год, связан с полемикой вокруг целей существования Дома. Один из проектов такого рода «светлого будущего» был предложен группой жителей коммуны, запомнившейся ее нынешним членам как «вегетарианцы» (их оппоненты называются «мясоедами»). Они предлагали запретить употребление мяса для обитателей Дома и сделать обязательным отдельный сбор мусора. Это предложение активно обсуждалось на общих собраниях жителей. Коммуна должна была способствовать наступлению нового гуманного к животным зеленого будущего, на которое, как предполагалось, работали обсуждаемые практики. Некоторые нынешние жители Дома, не разделявшие предпочтений «вегетарианцев», но симпатизировавшие им,

² Наряду с процитированным выше постом из него я обращаюсь к выложенным там интервью с членами коммуны. Из соображений анонимизации вопрос о доступности материалов я оставляю за скобками.

охарактеризовали эту группу как людей, готовых «все силы класть на мечту». Эко-ориентированное общество, в котором не убивают животных и перерабатывают отходы, по мнению «вегетарианцев», должно было воплотиться в настоящем Дома и предвосхитить его наступление во всем остальном мире. Таким образом, проектное будущее не просто существовало в дискурсах Дома, но определяло практики настоящего – например, в случае циклов вывоза отдельно собранного мусора организация времени обуславливала организацию практик. Стремясь к идеологическому доминированию в коммуне, «вегетарианцы» боролись за утверждение предпочтительного для них будущего, создаваемого в практиках настоящего. Борьба «вегетарианцев» за время имела символическое выражение в пространстве: сегодня свидетельство этого – небольшая наклейка «Животные – друзья, а не еда», расположенная над зеркалом в одном из санузлов.

Еще одна группа жителей Дома симпатизировала индуистскому мистицизму. Их оппоненты, часть которых и ныне живет в коммуне, предпочитают называть себя «материалистами», а своих визави – «окультуристами». Последние видели будущее Дома в духовном становлении его жителей – впоследствии, по выражению одного из «материалистов», он должен был стать сообществом более развитых в этом отношении людей. В связи с вышесказанным, на общих собраниях, в частности, обсуждался вопрос о введении обязательной для всех утренней медитации. Как и в случае «вегетарианцев», ожидания будущего определяли настоящее группы, и должны были определить настоящее всех жителей Дома – проект будущего детерминировал циклы повседневности. Так, уже второй пример показывает, как внутри сообщества осуществлялись поиски проекта будущего и как в обоих случаях эти поиски стали источником конфликтов между группами, действующих в рамках разных темпоральностей. Как выразились про «окультуристов» и «вегетарианцев» те из нынешних членов коммуны, кто застал их пребывание: то были люди, желавшие «управлять развитием общества». В то время как приверженцы одних взглядов призывают соотносить свои практики с проектом лучшего будущего, их оппоненты предпочитают жить в настоящем.

Как сторонники, так и противники «окультурного» будущего стремились утвердить свое время через символическое насыщение пространства. Материальные свидетельства этой борьбы присутствуют в Доме и сейчас. На одной из стен коридора до сих пор присутствует изображение синеконной индуистской богини, по соседству от которого «материалисты» нанесли граффити с символами богов из фэнтези-сеттинга «Warhammer», известными по одноименной компьютерной игре. Один из авторов композиции в разговоре со мной обосновал свое право на это фразой «Почему, если им можно рисовать своих богов, я не могу нарисовать каких-то других?». Такого же рода альтернативное «божество», по воспоминаниям информантов, однажды появилось над входом в гостиную – один из «материалистов» расположил там Казанскую икону Божьей Матери. «Окультуристы» потребовали ее снять и отказывались входить в увенчанную иконой гостиную, в то время как некоторые «материалисты» утверждали, что воспринимают образ лишь в качестве произведения искусства. По сходным причинам в общем зале исчезло изображение уробороса (свернувшейся в кольцо змеи, кусающей себя за хвост),

мешавшее тем, кто предпочитал заниматься там йогой. Его очертания и сейчас проглядывают сквозь известь на белой стене. Таким образом, помещенные в пространстве символы стали выражением разных темпоральностей – ориентированных на «светлое будущее» и вовсе отказавшихся от такой идеи.

«Светлому будущему» обозначенных групп, впрочем, могли сопутствовать проекты, не связанные с конкретной группой «домашних». «Мне кажется, что [Дом] – это про будущее. Скорее всего, эта тема будет развиваться, потому что мой внутренний запрос на это был, и я подозреваю, что у многих людей есть такой запрос на то, чтобы жить в таком месте, потому что все-таки, как-никак, мы строим здесь идеальное общество, такое, чтобы нам было хорошо. [. . .] Скорее всего, у многих есть этот запрос, и многие наверняка все-таки решатся это сделать, особенно если у них будет пример», – рассуждала в интервью, посвященном жизни коммуны, Telegram-каналу одна из ее бывших жительниц, ныне покинувшая Дом.

Результатом описанных конфликтов стал уход многих «вегетарианцев» и «окультуристов» из коммуны – время «светлого будущего» оказалось вытесненным. Как выразился на этот счет один из долгожителей Дома Дед, «революционеры отправились поднимать новую целину». Последствия описанных выше конфликтов имеют место и внутри современных практик коммуны. К примеру, они проявляются во время процедуры знакомства через отсеив претендентов, предположительно способных привнести в коммуну проектное будущее («мечту», «развитие»), предложив ее жителям некую идентичность. Для этого желающих стать участниками коммуны спрашивают о возможных связях с вегетарианством, эзотерическими и религиозными учениями и практиками. «Наступление мира» было связано с отказом от дискуссии о целях существования коммуны – на сегодняшний день жители Дома декларируют отказ от какой-либо общей идеологии («чисто лайфстайл»). Один из ныне бывших жителей коммуны так рассуждал в интервью упомянутому Telegram-каналу: «на мой взгляд, это и плюс и минус Дома, что нет какой-то концепции, к чему мы идем, чего мы хотим. И это немножко пассивности вносит, что нет вектора». «У нас нет ничего общего, у нас нет никакой доктрины, там, нет никакой идеи», – цитировал «домашних» организатор проекта экскурсий в коммунах Петербурга. Аналогично высказался в кратком интервью журналистам, снимавшим сюжет о коммуне, и другой его житель: «Мне не нужна какая-нибудь идея вселенского блага, чтобы хорошо дружить, для того, чтобы строить хороший Дом». «Люди здесь живут только ради удобства», – утверждал в интервью Дед.

Один из основателей коммуны, Гена, утверждал, что эта особенность коммуны – следствие разногласий, имевших место в других, предшествовавших появлению Дома, коммунах. По его словам, во времена существования Дома на Набережной, в нем произошел раскол между группой жителей, признававших важность утверждения общей концепции коммуны и определения целей ее существования, и сторонниками отказа от самого вопроса о целях существования коммуны. Обозначая свои позиции, стороны выработали классификацию, в которую вошли «Дом-семья», «Дом – общее дело», а также имеющий пейоративный оттенок «Дом-тусовочка». Первые две концепции предполагали наличие проекта будущего, последняя же конституировалась, как раз, через его отсутствие. После ликвидации

Дома на Набережной, связанной с невозможностью дальнейшей аренды помещения, приверженцы «Дома-тусовочки» (впрочем, не использовавшие этого термина) создали Дом на Фонтанке. Впоследствии, переехав и оттуда, они организовали обсуждаемый здесь Дом на синей ветке.

По словам информантов, «поиск целей», «идеология», установление определенного будущего коммуны как проекта прежде приводили к конфликтам, которых теперь «домашние» предпочитают избегать. Как выразилась на этот счет бывшая жительница коммуны Таня: «Жить, а не зарубаться за идеологию». Отказ формулировать будущее Дома определяет саму идентичность членов коммуны. Дом – это коммуна, сознающая и защищающая не цели своего существования, но его бесцельность.

Любопытно, что похожий подход также практикует старейший из ныне существующих петербургских домов – Дом на Среднем (он старше Дома на синей ветке в три раза), в мероприятиях которого мне довелось участвовать и благодаря чему я имел возможность недолговременно собирать там наблюдения и интервью. Его жители предпочитают считать цели коммуны предметом постоянного обсуждения, для чего стремятся апроприировать различные (научные, эзотерические, богословские и прочие) языки описания, развивая и усложняя свой аналитический аппарат, вновь и вновь возвращаясь к объекту своей дискуссии.

Итак, если одни группы пытались приписать коммуне проектное будущее, полагая ее платформой для реализации планов глобального социального устройства, то другие стремились отказаться от взгляда на Дом как на некий общий проект. Результатом этого конфликта стал отказ от какого-либо проектного будущего, с которым так или иначе должны были бы согласиться все участники коммуны.

КОНФЛИКТЫ ПОВСЕДНЕВНЫХ ЦИКЛОВ ДОМА И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Жизнь в «мирном» Доме, впрочем, и сейчас не лишена противоречий, однако теперь они связаны не с построением будущего, но с вопросом о темпоральных особенностях коммунальной повседневности – прежде всего с организацией циклов, существующих в континууме между домашней и рабочей сферами (Nippert-Eng [1996] 2008). К подобным противоречиям в первую очередь принадлежит конфликт «тусовщиков и сторонников тишины», в рамках которого, как и в обстоятельствах до «наступления мира», случаются «столкновения в гостиной». Впрочем, сегодня они не обсуждаются на общих собраниях и, по выражению бывшего жителя коммуны Антона, «стали тихими». Информанты достаточно четко разделяют стороны конфликта, относя конкретных людей к той или иной группе. Например, тот же Антон называется «тусовщиком», одну из долгожительниц Дома Леру относят к «сторонникам тишины», инициатором «тишины» в общей курилке полагают живущего рядом с ней Ивана и т. д.

«Домашние» относят этот конфликт к «вечным» – иными словами, «тишина» и «тусовка» также имеют темпоральное содержание. Они связаны с распорядком дня – с запретом на шум в «общих пространствах» коммуны (гостиной, кухне, курил-

ке, коридоре и зале) между 11 часами вечера и 8 часами утра, который, однако, по умолчанию нарушается. Так, по ночам те, кого называют «тусовщиками», могут смотреть фильмы, используя общую колонку (так громко, что слышно в коридоре), играть на фортепиано в гостиной, вести громкие дискуссии. По мнению же «сторонников тишины», указанный выше временной промежуток должен быть временем сна. К этим рамкам, впрочем, обращаются лишь последние, тогда как сами «тусовщики» не считают их особо подходящими для «тусовки», и продолжают ее, начав еще вечером. Время «сторонников тишины» и «тусовщиков» по-разному структурировано: если первые существуют в рамках цикла воспроизводства рабочей силы (Маркс [1867] 1952:578), отдыхая по ночам перед дневной работой (о помехах сну восклицают «мне завтра на работу!»), вторые, работая из дома, имея частичный пассивный доход и тому подобное, в будние дни (и ночи) продолжают воспроизводить время праздника, что иногда становится характерным для всех «домашних».

Так, противостояние двух типов темпорально организованных практик, касающихся ночной жизни в Доме, нивелируется в обстоятельствах праздника. Об этом можно судить по наблюдениям, которые я сделал во время празднований дней рождения Жени и Деда. Оба празднования можно разделить на две части, где первая начиналась около восьми часов вечера и включала в себя дарение подарков, употребление еды и напитков, а также встречу гостей. Все это происходило в гостиной и сопровождалось музыкой. Участниками этой части мероприятий были почти все люди, присутствовавшие тогда в Доме. Ближе к полуночи, когда еда и напитки заканчивались, музыка в гостиной становилась громче и начиналась дискотека, длившаяся около получаса. Закончив танцевать, участники праздника постепенно расходились по своим комнатам, а музыка стихала. Таким образом, в начале первого часа ночи в гостиной оставались только приглашенные гости и члены «компаний» Жени или Деда. «Компанией» в Доме принято называть тех людей, что общаются друг с другом чаще, чем с остальными. «Компания» Жени предпочла медитировать под музыку и жечь благовония, а компания Деда смотрела кино; в обоих случаях участники ночной части праздника разошлись под утро. Отмечу, что во время этих ночных празднований в гостиную заходили проснувшиеся люди, в ряде случаев просившие сделать тише или просто молча наблюдавшие; никто не высказывался против «тусовки» и не предлагал завершить.

Темпоральность праздника превращает время сна во время «тусовки» не для «тусовщиков», а для всего Дома: одни продолжают праздновать ночью, другие не стремятся остановить это, признавая такие практики приемлемыми. Границы времени сна и бодрствования становятся нерелевантными, а грань между «тусовщиками» и «сторонниками тишины» стирается: в «тусовке» участвуют те, кто является членами определенной «компании», а не те, кто предпочитает «тусоваться» в любую другую ночь. В то время как «сторонники тишины» заменяют время праздника временем воспроизводства рабочей силы, где сон является отдыхом перед работой, когда должна быть прекращена активность в «общих местах», темпоральность «тусовщиков» продолжает логику праздника за его пределами, встречаясь с альтернативной ей темпоральностью. Так, время праздника, объединив «домашних» и их «компанию» в ритуальном процессе, в любой другой день приводит к конфликту.

В будние дни ограничение на практики «тусовщиков» накладывается ситуативно – громкие звуки немедленно прекращаются по просьбе любого проснувшегося. Недовольный ночным шумом житель коммуны появляется в гостиной и заставляет обратить на себя внимание присутствующих фразой типа «Ребят, вы не могли бы потише?» или «А обязательно сейчас тусить, а?». Произнося подобные фразы, некоторые смотрят на висящие в гостиной часы, другие могут добавить вербальное указание на время. Таким образом, темпоральность «тусовщиков» является предпочтительной и практикуемой вплоть до момента, когда таковой становится темпоральность «сторонников тишины». Последняя затем может снова утратить позиции, когда в гостиной найдутся другие (или те же самые) желающие пошуметь после 23:00.

Такого рода перформативная смена предпочтительной темпоральности касается и курилки. Так, в одну из ночей к поющим во время курения Дане и Денису подошел житель ближайшей комнаты. Он постучался в дверь и, когда ему открыли, войдя, сказал: «Курилка – не место для пения, курилка – место для курения». Аналогично в другой раз он выразился в успешной попытке прекратить громкий смех: «Курилка – не место для юмора, курилка – место для курения».

«Тишина» не признается «тусовщиками» более правильной нежели «тусовка», они лишь делают ей временную уступку, сохраняя собственную идентичность, в рамках которой по наступлении вечера очередного дня вновь открыто начнут воспроизводить близкие им практики. Ночью «тусовка» снова может прерваться по просьбе кого-либо из «сторонников тишины» или продолжиться, если не найдется желающих ей помешать. Таким образом, «тишина» не только не становится более правильным вариантом поведения – «тусовка» может существовать без нее.

Если в конфликте о проектном будущем Дома речь шла о выборе одного из вариантов темпоральности, с которым должны были согласиться все, то множественные темпоральности циклической повседневности Дома находят возможности мирного сосуществования. Ни одна темпоральность в этом случае не занимает доминирующего положения, однако их отношения не являются и симметричными. Доминирование любой из темпоральностей временно – они поочередно сменяют друг друга, на время вытесняя альтернативу, а затем вновь уступая ей место.

ДЛИТЕЛЬНАЯ ВРЕМЕННОСТЬ И ВРЕМЕННОСТЬ ДОМА КАК ЖИЛЬЯ

В этом разделе с помощью концепта длительной временности (Бредникова 2020) я рассмотрю сменяемость жителей коммуны и предложу объяснение устойчивости последней. Длительная временность предполагает отказ не только от проектного будущего, но и от устойчивого фиксированного прошлого. Неустойчивым оказывается и настоящее, в котором все реалии и находящиеся в нем темпоральности становятся временными. Влияние этой темпоральности делает «мир» в Доме возможным.

Проводя большую часть своего времени в гостиной Дома, я стал свидетелем дискуссии вокруг вопроса нанесения граффити на стены общего коридора. Трое жителей коммуны – Райя, Клава и Женя – стояли в коридоре вокруг настенного изображения фигуры, иконографически схожей с индуистскими богинями. Ее небольшую часть Женя забелил месяц назад, против этого через короткое время высказались Райя и Лера. Именно это впоследствии привело к разговору, при котором присутствовал я. Все участники смотрели на изображение и вели дискуссию:

Женя: По-моему, тут у каждого человека есть одна стена для рисования. . .

Райя: А мне говорили, что коридор общий и все по договоренности, когда обсуждали с художниками и Мишей, например.

Вопрос был также адресован проходившему мимо Нику. Когда Женя поинтересовался «какие договоренности» существовали по поводу росписи стен, тот ответил: «Нет правила, по которому житель комнаты имел бы право расписывать ту или иную стену, но нет и обратного», запрещающего ему это, но «это логично, что надо спрашивать у жителей комнаты». Женя подытожил: «Короче, по каждому вопросу находился компромисс».

Продолжая разговор, компания вслед за Ником прошла в гостиную, где также сидел Виктор.

Виктор: [*оглядываясь на Ника*] Кажется, там была история, что каждая правая стена, ее можно делать с ней все, что хочешь, в смысле рисовать на ней.

Райя: Почему правая?

Виктор: Ну, или левая. . .

Ник: А у нас у всех есть правая стена, примыкающая к двери?

Виктор: [*улыбаясь*] Кажется, да. . .

Ник: Ну, в любом случае нельзя никого игнорировать. Надо обговорить с теми, кто против. . .

У Жени в руках зазвенел телефон, он вышел из гостиной. На этом диалог завершился.

Впоследствии мне доводилось также слышать другие неуверенные интерпретации желающих расписать вновь ту или иную стену. Например, в разговоре о своих работах высказалась Мила: «Рядом со своей комнатой сто процентов ты, как бы, можешь что-то делать, а рядом с чужой – под вопросом», «ты нарисовал, и другой человек, вроде как, имеет право это все закрасить». Вышесказанное касалось прежде всего одной из ее работ в Доме, по поводу которой существовали разногласия.

Как мне объяснили позже, участники дискуссии, с которой я начал эту часть, предпочли обратиться за советом к Нику как к одному из долгожителей коммуны. Об этом говорят и некоторые формулировки, отсылающие к прошлому – «по каждому вопросу находился компромисс», «кажется, там была история». Прошлое, хранителем которого выступал Ник, явилось источником знаний о правилах.

Такого рода положение дел в одной из своих бесед со мной Ник назвал «эрой прецедентного права». Последнюю он противопоставил периоду существования коммуны, когда решение конфликтов определялось «Договоренностями» – кодек-

сом фиксированных предписаний, разработанным и принятым на общих собраниях «домашних» в первый год ее существования. Мои первые интервью в коммуне часто касались «Договоренностей». Большинство информантов рассказывали, что этот кодекс существует и всеми признается, однако не могли указать, где я могу с ним ознакомиться. В ответ на вопрос о том, где он хранится, мне всегда предлагали спросить кого-нибудь еще. Можно утверждать, что «Договоренности» ушли из практик воспроизводства и создания правил. Их роль в этом процессе охарактеризовал тот же Ник: «это не Конституция, не Правила, не какой-то Талмуд», «их строгость компенсируется необязательностью их исполнения». Впрочем, мой интерес до некоторой степени реабилитировал устаревший текст, который я позже обнаружил в форме стопки листов А4, приколотых у входной двери. Большинство «домашних», однако, все так же не могли указать мне, где он находится.

«Договоренности» существовали сначала в первой, а затем во второй редакции, различия между которыми в силу разного авторства весьма значительны. По словам бывших и нынешних жителей коммуны, дискуссии на собраниях вокруг разных редакций были связаны с попытками внести уже во вторую редакцию поправки, дабы закрепить устоявшиеся практики, что, как я полагаю, так и не было реализовано. Об этом можно судить исходя из специфики третьей редакции, отличающейся от второй лишь отсутствием вводной манифестной части; в остальном же они почти идентичны. Более того, текст третьей редакции сохранил фрагменты, которые, очевидно, предполагалось удалить, и пустоты, которые предполагалось заполнить, – они носили временный характер. Среди пунктов раздела «3.2 Оплата» присутствует вопрос «ДОЛГИ ЗА АРЕНДУ – ЧТО ДЕЛАТЬ?», вероятно, призывающий к созданию некой писаной нормы по этому поводу. Таким образом, очевидная создателям второй редакции нормативная недосказанность перестала иметь значение для пользователей третьей.

Третья редакция, по мнению «домашних», остается актуальной на сегодняшний день. Вместе с тем, прописанные в ней нормы считаются нормами прошлого: предполагается, что к ним апеллировали в конфликтах раньше, а в дальнейшем, когда основанные на реальных практиках исправления так и не были внесены, они перестали использоваться. В обстоятельствах конкретных противоречий, возникающих в жизни коммуны, ее жители обращаются к прошлому, которое им предлагает тот, кто имеет относительно большой стаж проживания в Доме. Между тем, они принципиально игнорируют то прошлое, что, по их же словам, зафиксировано в «Договоренностях» – «домашние» предпочитают извлекать нормы прошлого из ситуативного устного рассуждения, а не из письменного текста. Так, наряду с отказом от проектного будущего Дом также характеризует утрата фиксированного прошлого.

Обозначенную специфику прошлого и будущего в этой темпоральности я связываю с особенностями длительной временности. Нетрудно обнаружить сходства между вышеописанной темпоральностью Дома и особенностями мобильного субъекта, а также его временного жилья. Многие жители коммуны покидают ее в течение года, либо полностью меняя место жительства, либо отправляясь в летнее путешествие (например, на сезонные фестивали или с целью проехать тот или иной маршрут автостопом), что может служить иллюстрацией мобильности. Выбор столь необычной формы общежития нетрудно интерпретировать как частичный

отказ от интеграции. Обилие слабых социальных связей становится еще очевиднее, если взглянуть на уже упоминавшийся чат друзей Дома – с большинством из них не ведется постоянная переписка, они исчезают из жизни коммуны, а затем ненадолго появляются там в гостях, при этом их статус, предполагающий связь с Домом, не исчезает несмотря на длительное физическое в нем отсутствие.

Большинство домочадцев не отождествляют Дом с присвоенным ими жилищем: на вопрос «Дома ли ты здесь?» они отвечают отрицательно и дальше обычно говорят о том, что принадлежащий им дом для них является лишь фантазией или проектом, либо что вообще понимают идею дома как условность. Скажем, Миша на это отвечал так: «Дом – это там, где я сейчас, даже в поезде». Другие напрямую говорили о собственном доме как о мечте – например, Райя: «Дом – это не здесь, дом – это когда-нибудь». Пит и его супруга повесили в своей комнате фотографию коттеджа из сериала «Зачарованные» в качестве «аффирмации на будущий дом», а Кеша вовсе считает такой проект лишь фантастическим: «Вот если я найду миллион долларов!». В рамках таких фантазий он имеет обыкновение рассматривать элитные квартиры на сайтах по продаже недвижимости и проектировать квартиру, которая покажется ему идеальной. Так, Дом оказывается временным домом, а временность – интегрированной в жизненные проекты разных его жителей.

Особым образом это во время интервью охарактеризовал Дед. Я спросил его о том, есть ли у него планы обзавестись собственным домом, на что тот ответил, что это связано исключительно с перспективой завести семью, для которой можно озаботиться появлением отдельного жилья, но «если мы с человеком решим, что нам комфортно кочевать, можно продолжить». Несмотря на то, что Дед живет в Доме с момента его основания и в последние годы почти не выходит из него, свою жизнь в коммуне он описывает глаголом «кочевать».

Итак, «домашние» склонны к длительным путешествиям и переездам, отказу от общего проекта, коллективному поддержанию многочисленных слабых связей и описанию своего жилища как временного, несмотря на, в ряде случаев, достаточно длительное там проживание. Они также характеризуются темпоральной чертой временности и непостоянства. Я полагаю, что длительная временность стала доминирующей темпоральностью с наступлением «мира» в Доме, вытеснив из него проекты будущего. Коммуна как проект, коммуна как воплощенное будущее уступили место коммуне как постоянному непостоянству.

Длительно временными можно считать, соответственно, и практики отношений между «тусовщиками» и «сторонниками тишины»: каждая из них приобретает господство лишь временно, а жители коммуны так же временно следуют той или иной темпоральной логике. Признавая приемлемыми притязания «сторонников тишины» в конкретный момент, они непременно возвращаются к темпоральности «тусовки», продолжая считать приемлемыми именно свои практики. Неопределенность, внутри которой все лишь временно, позволяет избежать ситуации доминирования одной группы. С этим, вероятно, и связан «мир» в сообществе: отсутствие вопроса о будущем позволяет «не зарубаться за идеологию», а временность господства темпоральностей повседневной жизни не приводит к обострению конфликтов между группами, их практикующими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Будучи оседлым сообществом, коммуна Дом пребывает в обстоятельствах перемещенности. Оседлая перемещенность как темпоральность неопределенности, а именно длительная временность, является условием гетерогенности.

Члены коммуны не просто существуют в неопределенности – они специально воспроизводят ее. Исключая разные варианты проекта коммунального будущего, «домашние» препятствуют формированию устойчивых целей сообщества и, как следствие, правил внутри него. Жители Дома избегают конфликтов между сторонниками разных проектов будущего, а возникающая в результате временность препятствует установлению господствующего цикла в повседневных практиках настоящего.

Принципиальная неустойчивость правил и отрицание иерархий, поддерживаемые членами коммуны, оказываются источником устойчивости сообщества. Ничем не связанное разнообразие спасается от распада путем отказа от постоянства отношений внутри себя. Отсутствие общего основания становится основанием совместной жизни. Неопределенность сохраняет «мир» в Доме и сам Дом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман, Зигмунт. 1995. «От паломника к туристу». *Социологический журнал* 4:133–154.
- Бауман, Зигмунт. [2000] 2008. *Текущая современность*. СПб.: Питер.
- Бойм, Светлана. [1994] 2002. *Общие места: Мифология повседневной жизни*. М.: Новое литературное обозрение.
- Бредникова, Ольга. 2020. «Мобильная занятость мобильного субъекта». *Журнал исследований социальной политики* 18(4):705–720. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720>.
- Бредникова, Ольга и Ольга Ткач. 2010. «Дом для номады». *Laboratorium: журнал социальных исследований* 2(3):72–95.
- Бурдые, Пьер. [1980] 2001. *Практический смысл*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Герасимова, Екатерина. 1998. «Советская коммунальная квартира». *Социологический журнал* 1–2:224–243.
- Герасимова, Екатерина. 2000. «Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ (на материалах Ленинграда, 1917–1991)». Диссертация кандидата социологических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Маркс, Карл. [1867] 1952. *Капитал: Критика политической экономии*. Том 1, книга 1. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Ссорин-Чайков, Николай. 2021. «Антропология времени: очерк истории и современности». *Этнографическое обозрение* 6:83–103. <https://doi.org/10.31857/S086954150017934-7>.
- Утехин, Илья. 2001. *Очерки коммунального быта*. М.: ОГИ.
- Фуко, Мишель. [1975] 1999. *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Aguilar, Jade. 2012. “Assessing Success in High-Turnover Communities: Communes as Temporary Sites of Learning and Transmission of Values.” *Journal for the Study of Radicalism* 6(1):35–57. <https://doi.org/10.1353/jsr.2012.0005>.
- Azomox, and Armin Kuhn. 2018. “The Cycles of Squatting in Berlin.” Pp. 145–164 in *The Urban Politics of Squatters’ Movements*, edited by Miguel A. Martínez López. New York: Palgrave Macmillan.
- Biao, Xiang. 2007. “The Making of Mobile Subjects: How Migration and Institutional Reform Intersect in Northeast China.” *Development* 50(4):69–74. <https://doi.org/10.1057/palgrave.development.1100430>.
- Cermeño, Helena, Nada Bretfeld, and Floris Bernhardt. 2022. “Knowledge Practices within and beyond Sharing and Commoning Urban Initiatives.” *Frontiers in Sustainable Cities*, April 18. <https://doi.org/10.3389/frsc.2022.767365>.

- Dee, E. T. C. 2016. "Squatted Social Centers in London: Temporary Nodes of Resistance to Capitalism." *Contention: The Multidisciplinary Journal of Social Protest* 4(1–2):109–127. <https://doi.org/10.3167/cont.2016.040109>.
- Greenhouse, Carol. 1996. *A Moment's Notice: Time Politics across Cultures*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Kadir, Nazima. 2016. *The Autonomous Life? Paradoxes of Hierarchy and Authority in the Squatters Movement in Amsterdam*. Manchester, UK: Manchester University Press.
- Kuper, Adam. 1994. *The Chosen Primate: Human Nature and Cultural Diversity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Maeckelbergh, Marianne. 2022. "Process-Time and Event-Time: The Multiple Temporalities of Prefiguration." Pp. 204–216 in *The Future Is Now: An Introduction to Prefigurative Politics*, edited by Lara Monticelli. Bristol, UK: Bristol University Press.
- McArdle, Rachel. 2022. "'Squat City': Dublin's Temporary Autonomous Zone. Considering the Temporality of Autonomous Geographies." *City* 26(4):630–645. <https://doi.org/10.1080/13604813.2022.2082149>.
- Munn, Nancy. 1983. "Gawan Kula: Spatiotemporal Control and the Symbolism of Influence." Pp. 277–308 in *The Kula: New Perspectives on Massim Exchange*, edited by Jerry W. Leach and Edmund Leach. Cambridge: Cambridge University Press.
- Munn, Nancy. 1992. "The Cultural Anthropology of Time: A Critical Essay." *Annual Review of Anthropology* 21:93–123.
- Nippert-Eng, Christena E. [1996] 2008. *Home and Work: Negotiating Boundaries through Everyday Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Okely, Judith. 2012. *Anthropological Practice Fieldwork and the Ethnographic Method*. New York: Routledge.
- Ramsay, Georgina. 2019. "Time and the Other in Crisis: How Anthropology Makes Its Displaced Object." *Anthropological Theory* 20(4):385–413. <https://doi.org/10.1177/1463499619840464>.
- Spiro, Melford. 1975. *Kibbutz: Venture in Utopia*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ssorin-Chaikov, Nikolai. 2017. *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: Hau Books.
- Wagner, Felix. 2012. "Ecovillage Research Review." Pp. 81–96 in *Realizing Utopia: Ecovillage Endeavors and Academic Approaches*, vol. 8, edited by Marcus Andreas and Felix Wagner. Munich: RCC Perspectives.

N O-STRINGS-ATTACHED TIME: TEMPORAL MULTIPLICITY AND STABILITY OF URBAN COMMUNE

Artem Kotelnikov

Artem Kotelnikov, Center for Historical Research, School of Arts and Humanities, HSE University, Saint Petersburg, Russia. a-k-v-2m-s@mail.ru.

The research for this article was conducted with financial support from the Russian Scientific Foundation (project No. 23-18-00962 "Economic Anthropology of Households in Contemporary Russia outside of Metropolitan Areas"). The author expresses appreciation for the valuable advice and thoughts of Nikolai Ssorin-Chaikov and the editors of Laboratorium, as well as to all his interlocutors in the Dom and beyond.

The article presents an ethnographic study of the commune Dom (Home), one of about a dozen currently existing communes (“homes”) in Saint Petersburg, Russia, based on cohabitation and management of common household by people who are not related to each other, in large apartments (once communal apartments or dormitories). The residents of the Dom postulate that they have no grounds on which they could unite, but at the same time, it is one of the most stable and long-lasting communal communities in the city. It is this paradox that is considered in the text.

In search of sources of stability at the Dom, I use the lens of the anthropology of time and analyze the temporal multiplicity that has developed within the commune. I consider conflicts between groups of commune members operating within different temporalities: the conflict around the projected future of the community, in which supporters of the Dom as a project were displaced by defenders of the idea of the commune without a clearly formulated idea of its goals and future, as well as the conflict between groups preferring different versions of the daily cycle connecting the home and work spheres.

Following Olga Brednikova’s conceptualization, among communal temporalities I single out the continuous temporariness—a temporality involving the rejection of a certain future and past in favor of the present, within which all realities are temporary. Continuous temporariness forms the basis of the special stability of the Dom and characterizes not life of individual subjects, but the organization of the community. Its inhabitants do not just act in it, but purposefully reproduce it. This allows them to avoid rigid rules and hierarchies and, thanks to this, to maintain stability with internal diversity of temporalities and life priorities.

Keywords: Urban Commune; Project of the Future; Continuous Temporariness; Temporal Multiplicity; Stability; Displacement

REFERENCES

- Aguilar, Jade. 2012. “Assessing Success in High-Turnover Communities: Communes as Temporary Sites of Learning and Transmission of Values.” *Journal for the Study of Radicalism* 6(1):35–57. <https://doi.org/10.1353/jsr.2012.0005>.
- Azozomox, and Armin Kuhn. 2018. “The Cycles of Squatting in Berlin.” Pp. 145–164 in *The Urban Politics of Squatters’ Movements*, edited by Miguel A. Martínez López. New York: Palgrave Macmillan.
- Bauman, Zigmunt. 1995. “Ot palomnika k turistu.” *Sotsiologicheskii zhurnal* 4:133–154.
- Bauman, Zigmunt. [2000] 2008. *Tekuchaia sovremennost’*. Saint Petersburg, Russia: Piter.
- Biao, Xiang. 2007. “The Making of Mobile Subjects: How Migration and Institutional Reform Intersect in Northeast China.” *Development* 50(4):69–74. <https://doi.org/10.1057/palgrave.development.1100430>.
- Bourdieu, Pierre. [1980] 2001. *Prakticheskii smysl*. Moscow: Institut eksperimental’noi sotsiologii; Saint Petersburg, Russia: Izdatel’stvo “Aleteiia.”
- Boym, Svetlana. [1994] 2002. *Obshchie mesta: Mifologiya povsednevnoi zhizni*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Brednikova, Olga. 2020. “Mobil’naia zaniatost’ mobil’nogo sub’ekta.” *Zhurnal issledovaniy sotsial’noi politiki* 18(4):705–720. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720>.
- Brednikova, Olga, and Olga Tkach. 2010. “Dom dlia nomady.” *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 2(3):72–95.
- Cermeño, Helena, Nada Bretfeld, and Floris Bernhardt. 2022. “Knowledge Practices within and beyond Sharing and Commoning Urban Initiatives.” *Frontiers in Sustainable Cities*, April 18. <https://doi.org/10.3389/frsc.2022.767365>.
- Dee, E. T. C. 2016. “Squatted Social Centers in London: Temporary Nodes of Resistance to Capitalism.” *Contention: The Multidisciplinary Journal of Social Protest* 4(1–2):109–127. <https://doi.org/10.3167/cont.2016.040109>.

- Foucault, Michel. [1975] 1999. *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tiur'my*. Moscow: Ad Marginem.
- Gerasimova, Ekaterina. 1998. "Sovetskaia kommunal'naia kvartira." *Sotsiologicheskii zhurnal* 1–2:224–241.
- Gerasimova, Ekaterina. 2000. "Sovetskaia kommunal'naia kvartira kak sotsial'nyi institut: Istoriko-sotsiologicheskii analiz (na materialakh Leningrada, 1917–1991)." Dissertatsiia kandidata sotsiologicheskikh nauk, European University at St. Petersburg, Russia.
- Greenhouse, Carol. 1996. *A Moment's Notice: Time Politics across Cultures*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Kadir, Nazima. 2016. *The Autonomous Life? Paradoxes of Hierarchy and Authority in the Squatters Movement in Amsterdam*. Manchester, UK: Manchester University Press.
- Kuper, Adam. 1994. *The Chosen Primate: Human Nature and Cultural Diversity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Maeckelbergh, Marianne. 2022. "Process-Time and Event-Time: The Multiple Temporalities of Prefiguration." Pp. 204–216 in *The Future Is Now: An Introduction to Prefigurative Politics*, edited by Lara Monticelli. Bristol, UK: Bristol University Press.
- Marx, Karl. [1867] 1952. *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii*. Vol. 1, book 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- McArdle, Rachel. 2022. "'Squat City': Dublin's Temporary Autonomous Zone. Considering the Temporality of Autonomous Geographies." *City* 26(4):630–645. <https://doi.org/10.1080/13604813.2022.2082149>.
- Munn, Nancy. 1983. "Gawan Kula: Spatiotemporal Control and the Symbolism of Influence." Pp. 277–308 in *The Kula: New Perspectives on Massim Exchange*, edited by Jerry W. Leach and Edmund Leach. Cambridge: Cambridge University Press.
- Munn, Nancy. 1992. "The Cultural Anthropology of Time: A Critical Essay." *Annual Review of Anthropology* 21:93–123.
- Nippert-Eng, Christena E. [1996] 2008. *Home and Work: Negotiating Boundaries through Everyday Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Okely, Judith. 2012. *Anthropological Practice Fieldwork and the Ethnographic Method*. New York: Routledge.
- Ramsay, Georgina. 2019. "Time and the Other in Crisis: How Anthropology Makes Its Displaced Object." *Anthropological Theory* 20(4):385–413. <https://doi.org/10.1177/1463499619840464>.
- Spiro, Melford. 1975. *Kibbutz: Venture in Utopia*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ssorin-Chaikov, Nikolai. 2017. *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: Hau Books.
- Ssorin-Chaikov, Nikolai. 2021. "Antropologiya vremeni: Ocherk istorii i sovremennosti." *Etnograficheskoe obozrenie* 6:83–103. <https://doi.org/10.31857/S086954150017934-7>.
- Utekhin, Ilya. 2004. *Ocherki kommunal'nogo byta*. Moscow: OGI.
- Wagner, Felix. 2012. "Ecovillage Research Review." Pp. 81–96 in *Realizing Utopia: Ecovillage Endeavors and Academic Approaches*, vol. 8, edited by Marcus Andreas and Felix Wagner. Munich: RCC Perspectives.